

Марина Капранова

Грязный след метеорита

16+

Отвяжись, плохая жизнь

Марина Капранова

Грязный след метеорита

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Капранова М.

Грязный след метеорита / М. Капранова — «ЛитРес: Самиздат», 2018 — (Отвяжись, плохая жизнь)

Молодая сельская учительница Арина Соболева выезжает на семинар в районный поселок Орловское. Семинар организовала хорошая знакомая девушки Маргарита Павловна - директор краеведческого музея. Маргарита Павловна пригласила на семинар геолога Степана Скалозубко - очевидца и участника поисков осколков челябинского метеорита. В краеведческом музее происходит загадочное убийство геолога и бесследно исчезает космический осколок. Это происшествие повлекло за собой целую цепочку преступлений. Но кому помешал Степан Скалозубко, и куда исчез осколок метеорита?

Содержание

Марина Капанова	5
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Марина Капранова

Грязный след метеорита

– Ты скоро соберешься? – прокричал Миша, заходя в дом и громко брякая ведром с водой.

– Да, да, я уже почти готова, сейчас выхожу, – ответила Арина, продолжая крутиться у зеркала. Эти непослушные волосы просто невозможно собрать с первого раза так, как надо. Только вправишь в прическу одну прядку – тут же рядом выпрыгивает вторая непослушная пружинка-локон.

Миша, продолжая находиться на кухне, недовольно пробурчал:

– Что ты выходишь, я уже три раза слышал, – и уже громче произнес: – Я-то в любое время могу в районе свои дела сделать. А вот ты на свой семинар опоздаешь.

Арина никак не могла справиться с застежкой у сережки, а тут еще Миша со своим недовольством, и она инстинктивно проворчала:

– Вот всегда так, стоит только поторопиться – руки сразу становятся непослушными.

И чтобы немного отвлечь Мишу от нетерпеливых печальных мыслей, поинтересовалась:

– Иришка-то выздоровела? В школу сегодня пошла?

– Ну, ты, Арина, скорая какая. Иринка до конца недели еще точно дома сидеть будет, – ответил Михаил, заглядывая в комнату. Он увидел, что Арина даже не собирается отходить от зеркала. Мужчина уже потерял всякое терпение, ожидая, когда наконец-то девушка будет готова. Сколько же можно одеваться? Уже прошло сорок минут с того момента, когда Арина в первый раз ответила: «Уже выхожу».

Миша присел на стул возле двери, забросил ногу на ногу, пригладил пятерней взъерошенные волосы и, прищурив глаза, наблюдая за торопливыми сборами девушки, решил мужественно дожидаться ее.

«Если опоздает на свой семинар, это ее проблемы, некого будет винить», – решил Миша и даже немного успокоился, убедив себя, что его обвинить будет абсолютно не в чем.

Мысли его медленно вернулись к дочери и беспокойно прошедшей ночи.

Иришка, дочь Миши от первого брака, заболела ветрянкой, ночью у нее поднялась страшная температура, и она, придя к бабушке в спальню, пожаловалась на головную боль и тошноту.

Валентина Федоровна, потревоженная внучкой, не сомкнула больше глаз, не стала будить сына, а, охая и ахая, еле дождалась утра. Только часы показали 6:00, она позвонила местному фельдшеру Вере Николаевне и встревоженно и беспокойно в эмоциональных красках обрисовала ситуацию.

Вера Николаевна, долгое время проработав фельдшером, прекрасно знала свои обязанности, да и человеком она являлась довольно-таки ответственным, не заставила себя долго ждать, и не прошло и получаса, как она уже сидела в комнате Иришки. После тщательного и долгого осмотра девочки, чтобы не дай бог не поставить неверный диагноз, фельдшер, поджав губы, со знанием дела констатировала:

– Я так и предполагала, ветрянка и до нашего села добралась. Дети в районе еще на прошлой неделе болеть начали. Ну что, Иринка, – обратилась Вера Николаевна к девочке, – придется тебе дней этак десять дома посидеть.

И фельдшер предложила заботливой бабушке, души не чаявшей в своей внучке, высыпания на коже ребенка смазывать жидкостью Каstellани.

– Вот еще, – фыркнула пожилая женщина, услышав совет опытного фельдшера, и, бережно, с любовью укрывая внучку одеялом, произнесла: – Никакой мы жидкостью мазаться

не будем, мы старым проверенным средством – зеленкой – обработаем водянистые пузырьки на коже.

И теперь Иринка ходила по дому вся в зеленых пятнышках и изнывала от одиночества и скуки.

– В школу ходить нельзя, к подружке тоже нельзя, да и Вике Столбовой ко мне нельзя. Это же я так одичаю одна дома.

Валентина Федоровна, мать Миши, как могла, старалась успокоить ее и поднять внучке настроение.

– Как это одна? А я что, не человек, что ли? Ну, ты, Иришка, даешь, даже обидно как-то.

Бабушка, видя, что внучка не реагирует на ее слова, даже рассказала историю о том, как отец Иринки Михаил, когда был маленький, тоже переболел этой неприятной болезнью.

– Так вот, – продолжала рассказывать баба Валя, так ласково Иринка называла свою любимую бабушку, – намазала я своего сорванца зеленкой, а сама ушла корову доить. Когда вернулась, наш кот Свистун был весь зеленым. Миша объяснил свое художество, сказав, что вдвоем болеть веселее, – задорно рассмеялась женщина, уложила внучку в постель в надежде, что та после беспокойно проведенной ночи, может, хоть сейчас немного поспит. А сама пошла на кухню ставить тесто, чтобы испечь любимые внучкины пирожки с картошкой. Когда через полчаса баба Валя заглянула в комнату к Иринке, та мирно посапывала в своей постели. А рядом на подушке, свернувшись клубочком, дремала кошка Муська, вся измазанная зеленкой.

Валентина Федоровна плавно всплеснула руками.

– И кто меня за язык тянул? Вот старая клуша, – корила себя женщина за то, что не смогла попроще и безобиднее рассказать историю из детства сына. Ну, например, ту, где невозможно будет подражать и повторять действия отца.

Миша улыбнулся, вспомнив дорогое дочкино лицо, все в зеленых крупных точках.

– Ты что довольный такой? Что сидишь-то? Я собралась, поехали, – услышал он командирский голос девушки, которая наконец-то смогла оторваться от зеркала и уже направлялась к выходу.

– И года не прошло, – буркнул Миша, бодро поднялся со стула и пошел следом за Ариной.

Семинар историков должен был проходить в центральной районной библиотеке. Двух-этажное здание из белого кирпича в летний период утопало в густо разросшейся зелени деревьев и кустарников. Сейчас, когда на дворе стояла осенняя пора, деревья, взявшие в кольцо библиотеку, радовали глаз своим разноцветьем. Но особенно шикарно выглядели на фоне белого здания крупные, сочные, мясистые ягоды алой рябины. Арине вспомнилась примета, которую в детстве ей подсказала тетя Таня, у нее под окном дома тоже рос высокий раскидистый куст рябины.

– Смотри, Аришка, как нынче рябинушка наша обсыпалась гроздьями ягод, ветки так и клонятся до земли, – сказала тетя Таня, подставляя подпорку под массивную ветку рябины, чтобы та ненароком не отломилась. – Значит, нынче зима суровая будет, с трескучими морозами.

– Почему суровая? – удивленно распахнула глаза Арина. Она не могла взять в толк, каким образом тетя связала ягоды рябины с трескучими зимними морозами.

– Потому, ягодка ты моя, – тетя ласково погладила племянницу по голове, – что в природе все живое взаимосвязано. Вот рябина, например, думаешь, для себя столько ягод нарастила? Нет, она позаботилась о пернатых, зимой ее ягодки замерзнут и станут сладкими, и будет этакое лакомство для птиц. А то, что касается приметы, это уже люди подметили: если ягод много, то зима суровая будет... Вот мы и проверим с тобой примету в этом году, – ласково улыбнулась женщина любимой племяннице.

Арина, вспомнив тетю, улыбнулась, поднялась по крутым ступенькам ровного крыльца, выложенного молочной кафельной плиткой, и вошла в уютное здание.

И первым человеком, которого она встретила в фойе, была Ритка Артамонова, ее Арина хорошо знала с детства. Ритка жила когда-то в селе Боровиково, была лет на пять старше Арины, поэтому в детстве стать подругами им было не суждено. Арина в то далекое время для Ритки была просто малявкой.

– Здравствуйте, проходите, семинар состоится в читальном зале, – заученно поприветствовала Ритка девушку, доброжелательно улыбаясь, сразу не узнав давнишнюю знакомую.

Арина отметила, что Ритка похорошела, серый костюм идеально сидел на безупречной фигуре, туфли на высокой шпильке подчеркивали и без того стройные и длинные ноги девушки, густые волосы небрежно рассыпались локонами по плечам. Но Арина прекрасно знала, сколько требуется сил, терпения и времени, чтобы придать волосам эффект искусственной небрежности. Круглое, почти кукольное личико Ритки с длинными ресницами и пухлыми губами выглядело гладким, кожа отливала южным загаром. Ей одного взгляда хватило, чтобы оценить внешность директора музея.

«Наверное, в Крыму или в Турции летом отдыхала», – отметила Арина с легким чувством зависти.

– Добрый день, – ответила она, оглядывая фойе библиотеки, где была расположена тематическая книжная выставка, в огромных горшках стояли комнатные фикусы и пальмы, на стене висел плазменный телевизор.

На ресепшене сидела пожилая женщина с короткой стрижкой крашенных каштановых волос и уставшим, нет, даже мученическим выражением лица. Она регистрировала прибывших на семинар людей, но делала это очень медленно, и даже казалось, что регистрация доставляет ей огромное страдание.

Тут же в фойе бросалась в глаза широкая лестница, ее ступени, выложенные блестящим светло-серым кафелем, призывно манили на второй этаж. Весь второй этаж здания занимал краеведческий музей, директором которого и была Ритка. В музее Арина была один раз в детстве, и тогда по сравнению со своим городским краеведческим музеем он показался ей скучным и унылым.

«Интересно, – подумала девушка, – что-нибудь изменилось в музее в настоящее время?»

Арина зарегистрировалась, получила программку семинара и неторопливо направилась в читальный зал, но вдруг за спиной услышала Риткин бархатистый голос:

– Арина Соболева, это ты, что ли?

Арина приостановилась, медленно оглянулась и встретила с серыми внимательными глазами Ритки.

– Да, я, – просто ответила она и доброжелательно улыбнулась.

– Удивительно видеть тебя здесь, – искренне изумилась Ритка. – После семинара поднимись ко мне в музей, поговорим, – предложила благодушно она, словно хорошей давней знакомой.

– Хорошо, – Арина согласно кивнула головой и пошла искать свободное место в тесном читальном зале, где уже собралось достаточное количество педагогов.

Сегодняшнего семинара девушка ждала с нетерпением. Два дня назад ее к себе пригласила директор школы Лариса Петровна и объявила, что на школьную электронную почту пришло оповещение о проведении семинара и его программа. Письмо информировало о том, что в центральной районной библиотеке поселка Орловское состоится семинар для учителей истории. Так вот, вторым вопросом в программке стояло выступление геолога Степана Скалозубко. Доклад назывался «Челябинский метеорит: музейный экспонат или «булыжник», который предстоит изучить ученым». Лариса Петровна, передавая программку девушке, с гордостью добавила, что Степа являлся выпускником боровиковской школы.

Получив от директора школы информацию, девушка не на шутку заинтересовалась данным письмом, прошла в свой кабинет истории и села за компьютер.

«Что нам поведаст наша знаменитая «Википедия» о Челябинском метеорите? – подумала девушка, листая странички Интернета. – Да, вот, кажется, нашла».

– Итак, – прошептала Арина, внимательно читая обнаруженную информацию:

«Челябинский метеорит – космическое тело (метеорит), которое упало на земную поверхность 15 февраля 2013 года в результате торможения в атмосфере Земли небольшого астероида. Падение метеорита на Челябинск сопровождалось его разрушением с распространением серии ударных волн над территорией Челябинской области и некоторых других регионов России, а также Казахстана, что привело к некоторым разрушениям в Челябинске (разрушены несколько непрочных построек, несущественно повреждены многие здания) и ранениям среди населения. Многие фрагменты найдены на территории Челябинской области. Наиболее крупные из фрагментов, общей массой 654 кг, были подняты 16 октября 2013 года со дна озера Чебаркуль (Челябинская область). Метеорит относится к классу обыкновенных хондритов LL5 (наименее распространенная группа обыкновенных хондритов с общим содержанием железа 19—22 % и лишь 0,3—3 % металлического железа), характеризуется ударной фракцией S4 (следы умеренного воздействия ударных волн) и степенью выветривания W0 (без видимых следов окисления)».

– Ну, ударная фракция и степень выветривания мне совершенно ни о чем не говорят, – вполголоса сама себе озабоченно проговорила Арина. – А вот все остальное довольно-таки интересно. Еще любопытней узнать, что же нам поведаст местная знаменитость господин Степан Скалозубко.

Мысли плавно завертелись вокруг Челябинского метеорита. И Арина поймала себя на мысли, что и сама хотела бы поучаствовать в этой увлекательной экспедиции по поиску космических осколков. Повезло этому Скалозубко, он побывал на месте падения метеорита да еще нашел и осколок, такая удача дорогого стоит.

По первому вопросу семинара выступала методист управления образования, худощавая женщина со стрижкой под каре, но волосы у нее были слишком мягкими и тонкими, поэтому уложить их в приличную прическу не представлялось возможным.

«Да и сама женщина просто к совершенству не стремилась», – так отметила про себя Арина, решив все внимательно прослушать, а если надо, то и записать.

Анастасия Константиновна, именно так представилась методист, и изложила подробную информацию о том, какие новшества ожидаются в проведении государственной итоговой аттестации в этом учебном году по предмету история. Арина все подробно законспектировала, ее ученики тоже собирались сдавать историю. Поэтому надо их подготовить таким образом, чтобы потом было не стыдно за результаты обучающихся. Но девушка все ждала, когда будет рассматриваться второй вопрос, и с нетерпением поглядывала на дверь, боясь, что Скалозубко, не дай бог, опоздает или по уважительной для него причине вовсе не явится на семинар.

– Уважаемые коллеги, – эмоционально обратилась к присутствующим методист, сворачивая свое выступление, – я призываю вас с огромной ответственностью подойти к подготовке выпускников ваших школ к ГИА по предмету история.

Как только Анастасия Константиновна покинула трибуну, в читальный зал быстро вошла Ритка, за ней уверенно проследовал темноволосый мужчина среднего роста, примерно сорока лет от роду, в потертых джинсах и свободном коричневом пуловере. В руках он держал что-то тяжелое, увесистое, завернутое в холщовую ткань. Арина почувствовала, что ее охватывает волнение, именно сейчас у нее есть возможность увидеть воочию космическое тело. В тесном зале с их появлением прибавилось любопытствующих. Народ был разномастным: работники культуры, музея и просто читатели, которые оказались в это время в библиотеке, пришли послушать геолога. Каждому хотелось хоть одним глазком посмотреть на «космический подарок», ну а если повезет, то и прикоснуться к нему.

– Дорогие друзья, – обратилась к присутствующим Ритка с волнительными нотками в голосе, – разрешите представить вам нашего земляка, геолога Степана Аркадьевича Скалозубко.

Присутствующие воодушевились, по залу пробежал легкий шумок возбуждения, и несмело зааплодировали.

– Степан Аркадьевич принимал участие в экспедиции по поиску осколков метеорита в 2013 году, – продолжила свою речь директор музея, как только стихли аплодисменты. – И хочу заметить, что не безрезультатно, – довольно добавила Ритка. – Но, впрочем, Степан Аркадьевич вам расскажет все сам.

– Добрый день, уважаемые педагоги и гости семинара, – приятным голосом поприветствовал присутствующих слушателей геолог. – Я с большим удовольствием принял приглашение прийти к вам, как только об этом меня любезно попросила Маргарита Павловна, – и белозубая улыбка тут же была адресована Ритке.

Степан Аркадьевич коротко рассказал о том, как приближение метеорита к земле сопровождалось мощными взрывами, волны от которых принесли разрушительные явления Челябинской области, и даже имелись человеческие жертвы. О том, как доставали гигантский метеорит из озера Чебаркуль, все это Арине было известно из Интернета. Но все же рассказ геолога захватывал и рисовал в воображении яркие картинки. Но самой удивительной и захватывающей оказалась вторая часть повествования, где Степан Аркадьевич живо будоражил воображение присутствующих рассказом о личных поисках осколков метеорита.

– И знаете, мне посчастливилось, небеса оказались ко мне благосклонными, и я нашел пятикилограммовый осколок метеорита. Вот, – торжественно произнес геолог, развернув холщовую ткань. – Я испытал такой прилив адреналина... ну... это просто не передать словами. Теперь этот экземпляр занимает почетное место в моей коллекции, – немного заносчиво произнес Скалозубко, медленно переворачивая в руках тяжелый осколок.

Слушатели неуверенно стали подниматься со своих мест, многие торопились сфотографировать метеорит на телефоны, на что геолог отреагировал нервно и почему-то попросил, чтобы не снимали. Вскоре присутствующие плотным кольцом окружили Степана Аркадьевича. Каждому хотелось поближе рассмотреть осколок метеорита и прикоснуться к привету из космоса.

Ритку просто вытиснули из окружения геолога, и она, привстав на цыпочки, привлекая внимание Степана Аркадьевича, махала ему рукой, показывая на часы. Он наконец-то заметил манипуляции девушки, заторопился и обратился к участникам семинара:

– Уважаемые друзья, время, отведенное мне, пролетело так быстро. Очень жаль, но мне пора. У меня сегодня еще одна встреча. Я приглашен вашим главой администрации на торжественное мероприятие в районный Дом культуры.

Геолог аккуратно вернул осколок метеорита в холщовую ткань, торопливо прошел через коридор расступившихся людей и вместе с Риткой по широкой лестнице стал подниматься в музей.

Меньшая часть присутствующих на семинаре, и вместе с ними Арина, последовали за Степаном Аркадьевичем. Маргарита Павловна вдруг остановилась и доброжелательно попросила, не забывая о выгоде для музея:

– Уважаемые гости, не забывайте приобретать билетики, посещение музея платное.

Вторая, основная, часть людей осталась внизу ждать возвращения Скалозубко. Некоторые участники встречи, те, что были ограничены во времени, покинули здание музея и заспешили по более важным делам.

Поклонники геолога, неотступно следовавшие за ним по пятам, прошли в один из выставочных залов, дав возможность Степану Аркадьевичу нырнуть в тесный кабинет директора музея, чтобы собраться.

Ритка в ожидании Скалозубко не спеша подошла к Арине и поинтересовалась:

– Я слышала, ты теперь преподаешь в боровиковской школе?

– Нюра рассказала? – вопросом на вопрос ответила Арина, иногда поглядывая на дверь, откуда должен был появиться Скалозубко.

– Да, Нюра, – ответила как-то отрешенно Ритка, словно вопрос задала ради вежливости, а не потому, что ей было на самом деле интересно. Она тоже бросала частые взгляды на дверной проем, в котором никак не появлялся геолог.

«Что-то он задерживается», – посетила беспокойная мысль Маргариту Павловну, но она постаралась подавить тревогу и вслух поинтересовалась:

– Ну и как, сильно село за последние годы изменилось? Как тебе оно сейчас показалось? Ты же вроде как давненько в Боровиково не появлялась? – продолжала Ритка машинально задавать вопросы, не дожидаясь ответа.

Арина внимательно посмотрела на Ритку, в ее вопросах совсем не было заинтересованности. Казалось, что девушка сама не понимает, о чем спрашивает. И прежде чем ответить, Арина взглядом окинула выставочный зал. Люди в ожидании Скалозубко неторопливо переходили от одного экспоната к другому. Но что-то слишком долго не возвращался геолог. Пауза у подруг затянулась, и Арина все-таки решилась ответить на Риткины вопросы, но не успела.

Неожиданно в выставочный зал вбежала молодая девушка невысокого роста с веснушчатым лицом, с широко распахнутыми испуганными глазами. Она была неестественно бледна, поэтому веснушки на лице выделялись яркими пятнышками, словно их специально нарисовали гуашью. Светло-русые волосы с рыжеватым отливом были заплетены в богатую косу, которая от движений девушки неспешно перекатывалась на груди.

– Маргарита Павловна, там, там... – губы девушки дрожали и слегка подергивались, словно не хотели находиться в ее подчинении и двигались сами по себе. Так и не сумев совладать с собой, девушка заплакала, закрыв ладошками лицо.

– Катя, да говори же ты. Что там? – резковато и взволнованно обратилась Ритка к девушке, схватила ее за руку и тихонько потрясла.

Девушка отняла ладошку от лица и, всхлипывая, махнула небрежно в сторону, туда, откуда сама только что прибежала. Ритка, не добившись от девушки вразумительного ответа, заспешила к выставочному залу «Орловский район сегодня». В дверях зала, беспомощно оперевшись на косяк, обессиленно стояла женщина с ресепшена и, болезненно морщась, прикрыв глаза, держалась за сердце.

– Нина Борисовна, что произошло? Вам плохо? – обеспокоенно поинтересовалась директор музея и, обернувшись, прокричала:

– Воды, принесите кто-нибудь воды. И скорую, вызовите наконец-то скорую.

Нина Борисовна, оставаясь на месте, не в силах вымолвить ни слова, запоздало кивнула головой и махнула рукой в глубину зала. Ритка проследила за взглядом Нины Борисовны, тревожно и испуганно вскрикнула, машинально прикрыла рот рукой, и ее вмиг обмякшее тело стало оседать на пол.

Арина, вовремя оказавшаяся за спиной Риты, успела поддержать ее, заглянула через плечо девушки и увидела страшную картину. Там возле стеклянных витрин с экспонатами в неестественной позе лежал Степан Аркадьевич. Из-под его головы медленно расплзлось темно-бордовое, почти черное пятно крови. Пятно медленно приближалось к холщовой тряпке, небрежно валявшейся на полу. Аришка шепотом выругалась:

– Черт. Отвяжись, плохая жизнь...

Ритка, осознав весь трагизм ситуации, быстро пришла в себя и громко завопила:

– Скорую! Да вызвал кто-нибудь скорую?

Карета скорой помощи, разрезая сиреной привычный гул улицы, пугая мирно спешащих по делам прохожих, приехала довольно-таки быстро. Почти сразу же за скорой примчался

полицейский экипаж. Возле входной двери учреждения культуры блюстители порядка поставили дежурного полицейского. Поэтому ни войти, ни выйти из центральной библиотеки было невозможно.

Только начался переполох на втором этаже, заполняя тревогой и суетой все пространство музея, весть о гибели геолога сразу же спустилась на первый этаж. Посетители, те, кто еще не успел разойтись, понимали, что им предстоит долгое общение с правоохранительными органами, и поспешили покинуть здание еще до приезда полиции.

Следователь Антон Сергеевич вместе с криминалистом Василием, не обращая внимания на работников библиотеки, толпящихся в фойе, быстро поднялись по лестнице наверх в музей. Антон Сергеевич без лишней суеты, соблюдая все формальности, настоятельно попросил всех посетителей спуститься на первый этаж и оставить там у полицейского свои личные данные. Ну а тех, кто находился близко к месту преступления, попросил остаться. Среди оставшихся, тех, кто посчитал себя свидетелем, следователь заметил Арину и удивился:

– И вы здесь? Это уже интересно.

Что показалось следователю в ее присутствии интересным, Арина не поняла, ну а переспрашивать, конечно, не стала. Она понимала, что у Антона Сергеевича в данный момент важнее дела имеются. Мужчина тем временем переключил свое внимание на Ритку.

– Маргарита Павловна, где я могу разместиться, чтобы опросить свидетелей?

– А? Что? Наверное, у меня в кабинете можно, но там тесновато, – предположила Ритка, которая находилась в смятенном состоянии и никак не могла прийти в себя.

– А мне много места и не надо, не танцевать же я собираюсь, – пошутил Антон Сергеевич, стараясь привести Ритку в адекватное состояние.

Арина огляделась и удивилась, насколько поредела толпа, свидетелей вместе с ней осталось семь человек: Ритка, Нина Борисовна, девушка Катя, парень в рабочем костюме защитного цвета, полная женщина с очень спокойным, можно даже сказать, безразличным взглядом, лет сорока пяти с ярко накрашенными губами, и немолодой интеллигентный мужчина с высокими залысинами и с черным портфелем в руке. Остальные «поклонники» Скалозубко разбежались до приезда полиции, понимая, что их могут задержать на неопределенное время как свидетелей.

В отделе внутренних дел на момент вызова полиции в музей не оказалось свободных сотрудников, и Антону Сергеевичу сейчас необходим был помощник, чтобы приглашать и отпускать свидетелей. Эту роль он отводил Маргарите Павловне, но она была немного не в себе, и следователь, внимательно пробежав взглядом по лицу директора музея, просто произнес:

– Н-да.

Он переключил внимание на Арину и попросил:

– Арина Владимировна, не откажите мне в любезности сегодня побыть моим ассистентом. Необходимо со свидетелями поработать, а одному это несподручно.

Арина печально посмотрела на часы. Сегодня с утра она позвонила тете Тане и предупредила, чтобы та ждала ее к обеду. Об одном воспоминании о еде у нее нудно заныло в желудке.

«Но, видно, мой обед накрылся медным тазом», – невесело подумала Арина, а вслух произнесла:

– Конечно, Антон Сергеевич, если в моей помощи есть необходимость. Я согласна.

– Вот и ладненько. Сейчас опросим всех присутствующих по одному, ну а с вами я побеседую в последнюю очередь.

Арина безобидно злилась на себя: «Ну что я за бестолочь, вляпалась в историю, хоть бы к вечеру освободиться».

Первой на беседу попросилась женщина с ресепшена, сославшись на плохое самочувствие.

– Нина Борисовна, это же вы обнаружили тело Скалозубко Степана Аркадьевича? – задал вопрос в лоб следователь, как только та несмело опустилась на стул напротив Антона Сергеевича.

Женщина быстро полезла в карман джемпера ужасного болотного цвета за валидолом и, достав одну таблетку, положила под язык.

– Понимаете, за геологом пришла машина из администрации от главы района. А он, ну, то есть Степан Аркадьевич, все не спускается со второго этажа из музея и не спускается. Меня попросили его поторопить. Я пошла в кабинет к Маргарите Павловне, его там тоже нет, заглянула в выставочный зал, а там... Мне сразу стало плохо, в глазах потемнело, сердце схватило, и ноги стали словно ватные...

– Это понятно, Нина Борисовна, – прервал рассказ о болезненном состоянии женщины Антон Сергеевич. – А вот пока вы сидели на ресепшене, может, заметили, кто-нибудь со второго этажа спускался с объемным свертком или тяжелой сумкой?

– Да кто же его знает? – ответила быстро Нина Борисовна. – У меня сегодня с самого утра голова болит, наверное, погода меняться будет, давление подскочило...

– Все это хорошо, – раздражаясь, перебил женщину следователь. – Ну, то есть я вам сочувствую, но давайте ближе к делу.

– Никого я не видела, – поджала обиженно губки Нина Борисовна. – Разве что Гоша с ведром спускался, ну а так больше... Нет. Не знаю.

– А Гоша – это кто? – живо поинтересовался Антон Сергеевич.

– Так это наш рабочий, Георгий Иванов, мебель нам чинит, за порядком в помещении следит, за отоплением.

Следователь пододвинул к женщине протокол и пояснил:

– Пишите: «С моих слов записано верно». Ставьте свою подпись и число. До конца следствия из районного поселка не отлучайтесь.

Нина Борисовна неуверенно вышла из кабинета, следом выглянул следователь и попросил:

– Арина Владимировна, проводите, пожалуйста, женщину на первый этаж и пригласите Георгия Иванова.

Георгий нерешительно потоптался у двери, не решаясь пройти к столу следователя. Антон Сергеевич кивком пригласил свидетеля присесть на стул и приступил к опросу:

– Георгий, как давно вы работаете в данном учреждении рабочим? – поинтересовался следователь у молодого мужчины, как только он сел за стол напротив него.

– Да полгода уже есть, кажется, – спокойно ответил Гоша.

– А до этого вы где работали?

– Нигде. У меня была серьезная травма головы, я очень долго лежал в больнице, затем оформился на инвалидность, переехал из Новообска в Орловское, и мне подвернулась эта работа. А что, работать можно, голову сильно не напрягаю, так, что попросят выполнить по хозяйству, выполняю.

– А где вы находились во время убийства Скалозубко? – поинтересовался следователь, пристально вглядываясь в голубые глаза Георгия. Глаза у мужчины были затуманены то ли от расстройства, то ли от недомогания.

– Так, когда все поднялись наверх, я в соседнем зале отопление чинил. Там труба подтекать стала, я ее холодной сваркой замазывал. Пока возился, треть ведра воды набежало, да еще пол залило. Я пол протер и воду из ведра на улицу вынес, когда поднимался по лестнице, возвращаясь назад, слышу наверху крики: «Скорую, вызовите скорую». Думал, кому-то плохо стало. Поднялся на второй этаж, а тут такое...

– Ну, ясно, – подытожил следователь и распрощался с Гошей.

В кабинет плавно вплыла пышная женщина с ярко покрашенными губами, благоухая резкими духами. Антон Сергеевич, отвернувшись, поморщился и попросил:

– Не закрывайте, пожалуйста, дверь, что-то душно становится.

– Я Вера Кирилловна Старцева, работаю методистом в районном Доме культуры, – затараторила с порога женщина, распахнув по просьбе следователя дверь.

– Вера Кирилловна, а вы что-нибудь странное заметили или, может быть, видели, что произошло в выставочном зале «Орловский район сегодня»?

– О-о-о, нет, что вы, – театрально ответила методист. Следователь усмехнулся, продолжая заполнять протокол. – Я поднялась вместе со всеми на второй этаж в музей, думала, может быть, еще что-нибудь интересное увижу или услышу. Но когда поняла, что Степан Аркадьевич действительно торопится на мероприятие в Дом культуры, решила тоже удалиться. Я уже стала спускаться по лестнице на первый этаж, меня обогнал рабочий музея, внизу на ресепшене стоял водитель главы администрации Володя. Нины Борисовны на месте не было. Я спустилась вниз, поговорила какое-то время с Володей. Потом, слышу, Маргарита Павловна кричит, скорую просит вызвать, ну, я и вернулась посмотреть, что же случилось.

– Так, водитель Володя, говорите. И куда же делся Володя? – сразу же уцепился за новую деталь Антон Сергеевич.

– Так, как только Маргарита Павловна закричала, он поспешил удалиться.

В открытую дверь заглянул криминалист Василий.

– Антон Сергеевич, ну что я могу сказать. У покойного черепно-мозговая травма, несовместимая с жизнью, полученная при падении в результате удара об угол витрины.

– Несчастный случай? Подскользнулся? – с надеждой в голосе поинтересовался Антон Сергеевич.

– Да нет, боюсь вас разочаровать, но это не несчастный случай. Хочу заметить, что его падение ускорили.

– Не понял. Это как? – заинтересовался следователь, на время забыв о присутствии Веры Кирилловны.

– У него на лице прижизненная гематома, кстати, на правой стороне лица, – пояснил криминалист.

– Это что же значит? Бил левша? – удивился Антон Сергеевич, нервно крутя авторучку пальцами.

– Получается, что левша. Да, и еще. Осколок метеорита исчез, его нигде нет. А холщовая ткань, в которую он был завернут, валялась рядом с телом.

– Да-а-а-а, Вася, это уже интересно, кому же понадобился этот «булыжник»?

– «Булыжник»? – усмехнулся Василий. – А вы знаете, какова коммерческая цена этого камешка? Пятьсот рублей за один грамм, а тут, говорят, целых пять кило было. Вот и посчитайте.

Антон Сергеевич от полученной информации присвистнул.

Вера Кирилловна, осторожно кашлянув в носовой платочек, напомнила о себе, беспоякойно поерзала на стуле.

– Я могу быть свободна? – поинтересовалась женщина с хрипотцой в голосе после кашля.

– Да, протокол подписывайте и пока можете быть свободны.

Женщина, отложив авторучку, плавно вышла из кабинета, а Антон Сергеевич приоткрыл окно и задержался возле него, вдыхая свежий воздух. От дурманящего запаха духов Веры Кирилловны подташнивало.

В дверь несмело заглянул мужчина и, не решаясь переступить порог, застыл на месте, но тут же осмелел.

– Извините, можно войти? – поинтересовался интеллигентный человек с массивным портфелем в руках.

– Проходите, – ответил следователь, возвращаясь за стол и доставая чистый бланк протокола. – Итак, фамилия, имя, отчество, место работы, – официально затребовал информацию Антон Сергеевич. У него из головы не выходил метеорит, мысли клубились вокруг булыжника: «Как же можно было незаметно вынести из учреждения такой огромный камень?»

– Сидоров Семен Семенович, руководитель культурного отдела комплексного центра социального обеспечения населения, – представился мужчина. Авторучка следователя повисла над чистым бланком протокола.

– Не так быстро, – попросил Антон Сергеевич и принялся машинально водить ручкой по листу бумаги. – Социального... так, дальше что?

– Со-циаль-но-го обес-пе-че-ния на-се-ле-ния, – произнес по слогам Сидоров, достал из кармана пиджака клетчатый платок и вытер вспотевшие залысины.

Арина, задумавшись, стояла в коридоре под дверью кабинета директора музея. Она вспоминала до мельчайших подробностей, как накануне смерти геолога беседовала с Риткой. И не могла понять, в какую минуту отвлеклась, выпустив из поля зрения вышедшего Скалозубко. Она специально встала таким образом, чтобы, разговаривая с Риткой, видеть не только кабинет, но и узкий коридор, и все равно проглядела. Из невеселых раздумий Арину вывел громко затрезвонивший мобильник. Звонила тетя Таня.

– Аришка, ты где потерялась? Мы с Мишей уже отообедали, а тебя все нет.

– Не переживайте. Я задержусь в музее, потом все объясню.

– Так, может, Миша за тобой подъедет, свозит тебя пообедать и если надо, то вернет обратно? – предложила тетя.

– Нет, пока не надо, – отбивалась от тетиной настойчивой заботы Арина. – А что, Миша уже освободился?

– Да, освободился. Тебя вот дожидается.

– Хорошо, я сама вам потом перезвоню.

Пока Арина разговаривала по телефону, следователь проводил из кабинета интеллигентного мужчину и, видя, что Арина занята, сам пригласил конопатую девушку Катю. Арина отключила мобильник, вдруг почувствовала страшную жажду и решила спуститься по лестнице на первый этаж в поисках живительной влаги. Еще не успев спуститься до конца, она отметила, что возле двери по-прежнему стоял полицейский и безразлично смотрел в телевизор, по которому шла незатейливая передача про животных. Арина оторвала взгляд от хранителя порядка и перевела его на стеклянную дверь, через нее было видно, что на крыльцо быстро поднимается интеллигентный мужчина, который совсем недавно покинул здание.

Интеллигент буквально вломился в дверь и тут же наткнулся на полицейского. Страж порядка преградил ворвавшемуся мужчине дорогу.

– Убили, ее убили, – и стал оседать на пол. Полицейский успел подхватить мужчину, умело пристроил его на кожаный диванчик, стоявший возле двери, и настойчивым и повелительным голосом обратился к ошоломленной Арине:

– Вы не могли бы пригласить Антона Сергеевича? – и чуть мягче добавил: – А то я не имею права покинуть пост.

– Да, да, конечно, – Арина тут же пришла в себя и бегом бросилась на второй этаж. За своей спиной она услышала крик полицейского:

– Воды, принесите кто-нибудь воды.

Арина легко, без стука и предупреждения просто влетела в кабинет Антона Сергеевича.

– Что случилось? Что там за шум? – спросил обеспокоенно следователь, вставая из-за стола, и встретился с испуганными, широко распахнутыми глазами Арины.

– По-моему, там еще кого-то убили, – на одном дыхании выпалила она.

Антон Сергеевич не стал вдаваться в подробности и молча направился к выходу. Он всегда придерживался мнения: лучше один раз увидеть, чем три раза услышать. Катя не стала

оставаться одна в кабинете и засемила следом за Антоном Сергеевичем, едва не наступая ему на пятки. Когда все трое – следователь, Катя и Арина – спустились вниз, Семен Семенович по-прежнему тяжело дышал и ему трудно было говорить. Единственными, что он мог вымолвить, были слова:

– Там, за зданием. Сами все увидите.

– С поста не уходить, – скомандовал следователь и направился к выходу.

Ритка, присев на краешек дивана рядом с мужчиной, держала полный стакан воды. Арина молча взяла из рук директора музея стакан, залпом отпила полстакана воды и, не выпуская из рук долгожданный стакан, следом за Антоном Сергеевичем выскочила на улицу. То, что она увидела, повергло девушку в шок. У стены здания безжизненно расплылось тело Веры Кирилловны. В ее голову были водружены грабли с короткой ручкой, зубцы от граблей плотно засели в черепе женщины. Глаза ее смотрели безжизненно, рот был приоткрыт, все лицо избороздили кровавые ручейки.

Арина разом почувствовала одновременную слабость в руках и ногах, выпустила стакан с водой из рук, и он, упав на асфальт, громко стукнулся, разлетаясь на тысячи мелких осколков, забрызгивая ноги девушки грязными капельками воды, отскочившими от пыльного асфальта. Арина успела заметить, как солнце обрадовалось стеклянным осколкам, весело отразилось и заиграло в них, раздражая девушке глаза.

Антон Сергеевич стоял к Арине спиной и разговаривал по телефону, услышал неожиданный резкий звук разбившегося стекла, вздрогнул, резко обернулся и, отстранив трубку, заорал на девушку:

– А ты чего здесь делаешь? Быстро убирайся отсюда.

Арина почувствовала еще большую слабость, у нее все поплыло перед глазами. Девушка стала оседать и успела опереться рукой о стену здания. Последним, что она запомнила, был Миша, бежавший ей навстречу. И прежде чем отключиться, девушка безразлично подумала: «А как он здесь очутился? Он же у тети сидит».

Арина почувствовала резкий, щекочущий ноздри запах нашатырного спирта и медленно открыла глаза. Она полулежала на том самом диванчике, на котором недавно сидел интеллигентный Семен Семенович. Ритка настырно продолжала тыкать девушке в нос ватный тампон, смоченный нашатырным спиртом.

– Господи, да отстань же ты, – вяло проговорила Арина, но резко оттолкнула Риткину руку. Ватный тампон выскочил у нее из пальцев, и прилетел дежурившему у дверей полицейскому в нос, и, отскочив от него, шариком покатился по гладкому полу фойе.

– Вот сделай доброе дело, – проворчала Ритка, поднимаясь с дивана и отходя в сторону.

Молодой лейтенант неожиданно стал беспрестанно чихать, вытирая выступившие от терпкого запаха нашатыря слезы.

– Вот-вот, так тебе и надо, – обратился к полицейскому Антон Сергеевич. – Может, взбодрись немного. Было же сказано: никого без разрешения не выпускать. Нет... проворонил барышню. А если бы у нее от увиденного сердце не выдержало и она упала бы замертво? С кого потом спрос был бы?

Миша с озабоченным лицом сидел рядом с Ариной и нежно держал ее за руку. Антон Сергеевич, заметив, что девушка окончательно очнулась, нарочито сердито проговорил:

– Ну, Арина Владимировна, ты даешь. Некому тебя, видно, в детстве пороть было. Лезешь, не спросясь, куда не надо, вот и результат.

И, обратившись к Мише, безапелляционно скомандовал:

– Забирай отсюда свою королеву, завтра приеду в Боровиково, тогда побеседую с ней.

Арине показался обидным тон следователя, о ней говорили, словно ее не было рядом. Но девушка переборола обиду и с надеждой поинтересовалась:

– А что Вера Кирилловна?

– Нет, вы посмотрите на нее, не успела очнуться – опять за свое, – возмутился Антон Сергеевич и удрученно добавил: – Нет больше Веры Кирилловны. Криминалист с ней работает, – и уже всерьез разгневавшись, не попрощавшись, вышел на улицу.

***

Автомобиль, оставляя после себя бегущие по дороге пыльные змейки, остановился возле ворот тети Тани. Арина медленно вышла из машины и сразу увидела прытко выскочившую из калитки тетю, спешившую встречать племянницу. И тут же попала в объятия пожилой женщины.

– Аришка, ты меня до инфаркта доведешь, – проговорила тетя, беспокойно окидывая взглядом племянницу. – Пойдем, покормлю тебя. Голодная целый день просидела, вот и ослабла совсем.

– Тетя Таня, не надо меня кормить. Я ничего не хочу. Мы просто заехали сказать, что у меня все нормально. Я хочу побыстрее добраться до дома и... действительно отдохнуть, – устало проговорила Арина. Каждое слово ей давалось с большим трудом, от пережитого волнения заплетался язык.

– Что-то подобное я и предполагала услышать, – пробурчала женщина и обратилась к Мише: – Я там сумку с продуктами приготовила. Вон, возле калитки стоит, забери.

Всю дорогу до дома ехали молча. Миша не мучил девушку расспросами, понимая, что ей не хочется заново переживать ужасные события. А Арине было совсем не до Миши, выехать на рядовой семинар и оказаться в самой гуще криминальных событий – это уже перебор.

Только когда Арина вошла в свой дом и, раздевшись, устало опустилась в кресло, она тихо стала рассуждать:

– Мне показалось, что за один день я прожила целую жизнь. Но только это не моя жизнь, а чужая, и она мне совершенно не подходит. Я словно залезла в чужую кожу и почувствовала боль, утрату, разочарование... Да, вот тут-то как нельзя кстати подходят тетины слова: отвяжись, плохая жизнь, привяжись, хорошая...

– Арина, хватит хандрить, – посоветовал Миша, немного грубо оборвав нытье Арины, и уже мягче добавил: – Ложись отдыхай. А я Иришку проведаю и вернусь.

Только за Мишей закрылась дверь, Арина ощутила, как ее тело налилось свинцовой тяжестью, она из кресла перебралась на кровать и провалилась в тяжелый сон без сновидений.

Девушка, словно от толчка в бок, осторожно и медленно приоткрыла глаза. В ее потертом кресле сидела Клавдия Захаровна с вязанием в руках и о чем-то беспокойно думала. Что женщина беспокойно и сосредоточенно думала, Арина угадала по ее быстро шевелившимся без звука губам. Но тут же пронеслась другая мысль: «А может быть, она просто петли считает на спицах?» По дому плыл ароматный запах супчика с лапшой, сваренного на домашнем курином бульоне. На тумбочке в трехлитровой банке стоял большой букет игольчатых георгинов.

Арина, вдоволь налюбовавшись цветами, с сожалением спросила свою бывшую хозяйку, у которой беззаботно прожила какое-то время, пока ремонтировали школьную квартиру:

– Зачем вы такую красоту срезали? Сколько они в банке смогут простоять: дня два, три?

– В ночь заморозки обещают, – ответила спокойно женщина, внезапно отрываясь от работы, вязальные спицы застыли на месте. – Так вот, цветы в банке два или три дня простоят, а может, и поболее. А на улице-то до завтрашнего утра не доживут, – пояснила женщина, откладывая незаконченное вязание и направляясь молча на кухню. Уже оттуда Клавдия Захаровна прокричала, громыхая фарфоровыми тарелками:

– Давай, подтягивайся к столу, а то супчик совсем остынет.

Арина неторопливо поднялась, прислушиваясь к своему внутреннему состоянию. Но, как ни странно, голова не болела и противная тошнота, которая преследовала ее всю дорогу от поселка до дома, отступила.

Суп действительно получился замечательный, Клавдия Захаровна всегда отменно готовила, а сегодня девушке показалось, что она превзошла себя.

– Арина, Миша просил передать, что в район участкового повез, дело там какое-то срочное образовалось. Он заходил, но будить тебя не стал, уж больно сладко ты спала, – пояснила Клавдия Захаровна, как только девушка с аппетитом справилась с супом. И без перехода осторожно поинтересовалась:

– Так, значит, убили Степу Скалозубко?

Арина молча кивнула головой, отхлебывая горячий чай без сахара, и, вдруг вспомнив, спокойно произнесла:

– Тетя Таня там мне сумку с продуктами передала, а я ее, видно, у Миши в машине оставила.

– Да передал мне Миша твою сумку и попросил, чтобы я продукты в холодильник прибрала. Уж извини, похозяйничала я у тебя малость.

– Ой, что вы, Клавдия Захаровна, спасибо вам большое. А то я с этими событиями совсем рассеянная стала, – и, немного подумав, поинтересовалась: – Да, кстати, а вы хорошо знали родителей Степана Аркадьевича? Говорят, что они в Боровиково жили?

– Я и Анатолия Аркадьевича хорошо знаю, – усмехнулась женщина. – Он в соседнем переулке живет. Да ты его видела, он как-то ко мне приходил, сто рублей на опохмелку просил.

– Так это брат Скалозубко? – искренне удивилась Арина, вспомнив светловолосого художавого мужчину, и добавила: – Они внешне совсем не похожи друг на друга.

– Я тебе больше скажу: они двойняшки. Надя, мать пацанов, женщина хорошая, работающая была. Так вот, только умерла рано, мальчишки как раз школу закончили, так мы ее всем селом хоронили, родственников-то у них больше нет. Да-а-а... – задумалась женщина и, встретившись, неспешно рассказала все, что знала о семье Скалозубко.

Рассказ Клавдии Захаровны:

Надя – доброжелательная, общительная, словоохотливая болтушка, ее всегда можно было видеть в приподнятом настроении, казалось, она совсем не умеет грустить. Девушка звезд с неба не хватала и, закончив восьмилетку, уехала в Новообск и выучилась там на повара. Познакомилась с красивым заботливым парнем Аркадием Скалозубко. Он сам с Украины, откуда-то из-под Житомира. Жили они нормально, Надя родила двоих замечательных мальчишек, двойняшек, возвращаться в село в планы у них не входило. Мать Нади жила недалеко от меня, в соседнем переулке, и как-то у нее случился инсульт, ее парализовало, и она обездвижилась совсем. Вот тут-то и пришлось Надежде со всей своей семьей вернуться назад, за матерью-то ухаживать надо. Я помню, она мне как-то жаловалась, что Аркадий не хотел из города уезжать, но она настояла, и он уступил. Все было вначале хорошо. Надя в селе сразу же устроилась в совхозную столовую поваром. И все было, по крайней мере, внешне, хорошо. Но прошло некоторое время, Аркадий стал злоупотреблять алкоголем, какая уж тому причина была, не знаю, врать не стану... На уборку урожая к нам в Боровиково тьма мужиков-шоферов ежегодно приезжала из других районов. Шефская помощь, так сказать... Ну, вот, все мужики, естественно, в столовой питались. Один с Надей пошутит, другой комплимент отвесит, третий просто подмигнет, и все это на глазах у мужа. Он ведь тоже водителем работал и в этой самой столовой обедал.

Мочи у него не было смотреть на это форменное безобразие, когда на каждую шутку приезжих Надя растягивала маленькие пухлые губы в улыбке. Аркадий дома, не стесняясь сыновей, стал закатывать сцены ревности, дошел до того, что руку на нее поднимать стал. Я сама ее как-то видела с черным синяком под глазом. Она все терпела, прощала ему. Обиды, казалось, на мужа не держала, на расспросы людей отвечала шуткой: «Бьет – значит, любит». Но а когда Аркадий совсем слетел с катушек и стал безбожно пороть мальчишек за мелкие провинности, не вытерпела и выгнала мужа. Он еще долго ходил за ней, просил простить его, а однажды,

выпив лишка, со злости даже расхлестал в доме окно. Но Надя, к удивлению односельчан, проявила твердость характера, не простила мужа... Говорят, что он назад к себе в Житомир вернулся... Не знаю, правда это или нет, но только в село Скалозубко больше не приезжал.

А Надя через несколько лет сошлась с Иваном Семеновым, местным мужчиной, вдовцом. Иван рукастый был, да еще заядлый рыбак. Жили они хорошо. Но как-то на зимней рыбалке провалился Иван под лед. Мужики его, конечно, вытащили, привезли домой. Он сильно простыл, в больницу вовремя не поехал, результат – туберкулез. Когда он умер, мальчишки уже в старших классах учились. Надя-то, видно, заразилась от него, не прошло и двух лет после смерти Ивана, как и ее не стало. Остались парни одни. Степан-то после окончания школы в Новообске подался, мечта у него была – геологом стать. Так молодец, выучился и человеком стал. Анатолий остался в селе, механизатором работал. Как-то раз осенью закончили мужики уборку, ну и хорошо отметили это дело. Анатолий заснул в кабине комбайна, зачем он туда полез, может, черти его подтолкнули, а когда проснулся, не сообразив, где находится, вышел из кабины комбайна как из двери дома. Высота-то вон какая, неудачно упал, переломал ребра, они ему в легкое вошли. Мужики его вовремя в больницу доставили, а то бы кровью истек. Так и живет сейчас в селе один, да еще практически каждый день пьет горькую со своим другом Алексеем Катковым.

– А Степан часто в Боровиково приезжал? – поинтересовалась Арина, выслушав невеселый рассказ Клавдии Захаровны.

– Пока учился в Новообске, приезжал часто, потом все реже и реже стал навещать брата, – Клавдия Захаровна нахмурила брови, призадумалась, вспоминая. – А в последний раз, помоему, года два назад был.

Женщины помолчали, каждая из них думала о превратностях судьбы, возникающих на пути каждого человека.

Клавдия Захаровна первой встрепенулась и, видя, что Арина совсем пришла в себя, затопилась домой, сославшись на неотложные дела. Сегодня из леса домой муж на побывку должен прийти, так надо баньку истопить. Арина, проводив женщину, долго еще думала о судьбе братьев-двойняшек.

***

– Арина Владимировна, зайдите ко мне в кабинет, – попросила Лариса Петровна, заглядывая в учительскую.

Девушка прошла по шумному коридору, на ходу здороваясь с детьми, и вошла в кабинет директора школы.

– Значит, так, – без предисловий констатировала директор школы, – с сегодняшнего дня временно назначаю вас классным руководителем десятого класса.

– А что случилось? – беспокойно поинтересовалась Арина.

– Лилия Николаевна сломала ногу, неизвестно, сколько просидит на больничном. А класс сложный, без присмотра никак оставлять нельзя. Да, кстати, у девушек десятого класса сегодня вечером в сельском Доме культуры репетиция, сходите с ними, проследите, чтобы вовремя домой отправились. А то Раиса Петровна, директор Дома культуры, жаловалась, что ей надо после репетиции домой убегать, а она как обычно школьниц по домам выпроводить не может.

– Хорошо, Лариса Петровна, схожу и прослежу, – согласилась девушка и покинула кабинет директора.

Арина заранее отправилась в клуб, так коротко называли сельчане свой Дом культуры, чтобы поближе познакомиться с Раисой Петровной.

«Так общаться будет легче», – решила для себя девушка.

Подходя к двухэтажному зданию Дома культуры, она еще издали увидела машину Миши, стоящую неподалеку от двери клуба.

Арина радостно прибавила шаг, предвкушая встречу с любимым человеком. Она его не видела со вчерашнего дня и уже соскучилась. Дверь в кабинет Раисы Петровны была приоткрыта, девушка слышала, что она что-то рассказывала и задорно смеялась. Из зрительного зала вышла незнакомая девушка, высокая, стройная, с распущенными по плечам русыми волосами, и, опережая Арину, направилась в кабинет директора клуба. Арина решила заглянуть в зрительный зал, может, уже кто-то из девушек-десятиклассниц пришел, но зал был пуст, и она решительно направилась к Раисе Петровне.

Войдя в кабинет, Арина вежливо произнесла:

– Добрый вечер... – и осеклась. На коленях у Миши сидела обогнавшая ее девушка и, приобняв его за шею, рукой перебирала его короткие волосы.

Раиса Петровна ответила на приветствие девушки:

– Здравствуйте, – и, улыбаясь, неловко отвела взгляд в сторону.

Миша с девицей промолчали. Мало того, дорогой ей человек вообще никак не отреагировал на ее появление. И, только немного смутившись, сделал несмелую попытку убрать девушку с колен, но та обняла его за шею еще сильнее. И Арина вдруг почувствовала какую-то неловкость и ненужность. Словно она оказалась в неподходящий момент в неподходящем месте.

– Раиса Петровна, меня попросили за девочками десятого класса присмотреть, – пересилив себя, произнесла ровным голосом Арина. – Я начало репетиции в зрительном зале подожду.

– Как хотите, – равнодушно ответила директор клуба, не снимая с лица противную улыбку-ухмылку.

Арина развернулась, чтобы выйти, и столкнулась с участковым. Павел Юрьевич доброжелательно поприветствовал девушку:

– Добрый вечер, Арина Владимировна, – но, не получив ответа, заметив неестественную бледность на лице девушки, заглянул в кабинет и, увидев причину расстройства девушки, грубо обратился к Мише:

– Я его на улице дожидаюсь, а он тут, словно в цветнике, млеет сидит. Поехали, нам пора, – и, не дожидаясь реакции окружающих на свои слова, быстро направился к выходу.

Весь вечер Арина не могла прийти в себя, засевшая в сердце заноза ревности мешала дышать и ясно думать. Она кое-как дождалась, когда закончится репетиция, и, отпустив девочек, быстро отправилась домой. Остаток вечера она ждала от Миши телефонного звонка, маялась, надеялась, что он сможет ей дать разумное объяснение по поводу этой девицы. Но тщетно, Миша не позвонил. Да и что тут объяснять, она видела все сама своими глазами. Все буквально валилось из рук, любое занятие было совершенно не в радость. Не спасло даже чтение, прочитав несколько страниц, она поняла, что вообще не помнит, о чем читала, и досадливо отбросила книгу в сторону, подошла к зеркалу и не узнала свое отражение – на нее смотрела девушка с ввалившимися большими глазами, с синим отливом губами и бледным лицом.

– Господи, какой ужас, – отходя от зеркала, пробормотала Арина. – Так, надо чем-то отвлечь себя... Но чем? – и ее вдруг осенила спасительная мысль: «Завтра выходной, поедука я к тете Тане, а то так толком и не поговорила с ней. Да заодно, если повезет застать Ритку на работе, побеседую и с ней».

***

Арина, приехав в Орловское, первым делом отправилась к Ритке, поднялась на знакомое крыльцо центральной библиотеки и, открыв уже знакомую стеклянную дверь, вошла. Сегодня на ресепшене сидела Катя – молодая девушка в веснушках.

Увидев Арину, она радостно, словно старой знакомой, улыбнулась ей и, поприветствовав, поинтересовалась:

– Здравствуйте! Вы к Маргарите Павловне?

– Доброе утро, – в ответ улыбнулась Арина и спросила: – Она сегодня на месте?

– Да. Но только у них планерка идет, придется немножко подождать.

Арина кивнула головой и, оглянувшись, хотела присесть на тот самый диванчик, на котором не так давно Миша и Ритка приводили ее в чувство. Но заметила, как из-под лестницы, откуда-то сбоку, вынырнул рабочий Гоша Иванов, он, естественно, тоже узнал Арину, приветствуя ее, махнул головой и тут же поспешно стал подниматься по лестнице в музей.

– Откуда это он идет? – поинтересовалась Арина у девушки.

– А там у нас подсобка и запасный выход, – живо ответила Катя.

– А ваша подсобка закрывается на замок? – опять обратилась к девушке Арина.

– На ночь, конечно, закрывается, а днем постоянно открыта, потому что Гоша целый день туда-сюда снует, – ответила охотно Катя.

– Интересно, – задумчиво произнесла Арина, стараясь ухватить вдруг зародившуюся у нее в голове мысль. Но мысль вертелась, кружилась, путалась и никак не давала себя поймать. Девушка почувствовала беспричинное беспокойство, понимая, что, пока не ухватит мысль, не успокоится. Она наконец-то прошла к диванчику, села и...

«Грабли, – поймала наконец-то мысль Арина. – Грабли в голове Веры Кирилловны. Конечно же, это грабли из подсобки. А иначе откуда им еще взяться? Вот что не давало мне покоя: почему грабли? Преступник же не носит с собой в грабли в сумке... А потому что там, рядом с местом убийства Веры Кирилловны, есть дверь, ведущая в подсобку, и убийца воспользовался граблями, взяв их из подсобки. Тогда вопрос: кому помешала женщина, или она что-то знала? А может, что-то увидела?..»

Из бесконечных тупиковых вопросов Арину вывел Риткин голос:

– Арина, ты ко мне?

– Да, Рита, доброе утро. Если ты свободна, я хотела бы с тобой поговорить.

Ритка согласно кивнула головой, и они направились к лестнице, ведущей в музей.

– Чай будешь или кофе? – поинтересовалась Ритка и включила чайник.

– Не откажусь, и если можно, то чашечку кофе выпью.

– Так о чем ты со мной хотела поговорить? – пододвигая к Арине чашку с кофе, поинтересовалась Ритка.

– Рита, а как ты на Скалозубко вышла? Не сам же он тебя нашел с предложением рассказать на нашем семинаре о Челябинском метеорите?

– Ох, – вздохнула директор музея. – Ну... слушай.

Рассказ Ритки:

Со мной на одной площадке живет стоматолог Карина Олеговна Гвоздикова. Я всегда удивлялась: она такая молодая, хрупкая, а у нее такой взрослый сын. Кстати, она не замужем. И мы с ней как-то по-соседски сдружились.

Однажды она со мной поделилась историей рождения своего Олежки. Карина родила сына в шестнадцать лет.

Двадцать лет назад они с подругами в кафе праздновали шестнадцатилетие своей близкой подруги Оксаны. Рядом за столиком, сидели молодые люди и тоже что-то громко и весело отмечали. Парни немного выпили, осмелели и предложили девушкам с ними познакомиться. Ну а девушки были не против завязать новое знакомство со взрослыми парнями. Вот тогда-то Карина познакомилась со Степаном. Он пригласил ее после кафе к себе в комнату, которую снимал на пару с другом... И Карина со Степаном вместе провели ночь. Степан наутро уехал, и она о нем ничего не знала целый год. За целый год он ей ни разу не позвонил, хотя номер ее телефона у него был. Вскоре после исчезновения Степана Карина узнала, что беременна. Ее мама, мудрая женщина, не дала дочери сделать аборт. Так родился Олежка. Карина говорит, что почти четыре года спустя встретила Степана случайно в Новообске. Олежке тогда только исполнилось три года. Степан ее узнал, сам к ней подошел, и они поговорили как старые знакомые. Карина ему обмолвилась, что у нее есть сын. Но не решилась сказать, что это сын Сте-

пана. Ну а Скалозубко ее и не спросил, чей это сын. Тогда ему это, скорее всего, совсем не интересно было.

Олежка рос беспокойным мальчиком, он с самого детства постоянно попадал в какие-то истории, да к тому же был нечист на руку. Очень часто прихватывал то, что плохо лежало. Карина, как могла, защищала сына. Но в тринадцать лет он умудрился с базы отдыха «Марсианка» в районном поселке Орловское угнать снегоход. Карине большого труда стоило уговорить хозяина снегохода не подавать заявление в полицию. С этого момента сын был под тотальным контролем матери и больной бабушки. Какая уж тут личная жизнь, когда сын – словно запутанный клубок проблем?

И вот год назад, Олежке как раз исполнилось девятнадцать лет, Степан опять появился в Орловском. Карина столкнулась с ним в магазине. Он купил торт и напросился на чай. Карина согласилась напоить гостя чаем.

Мама у нее умерла два года назад, Олег обучался в Новообске, изредка радуя мать своим появлением.

Степану не составило труда понять, что Карина не замужем. О себе он рассказал, что всегда считал, что независимость – его единственное богатство. Вот обзаведусь чем-нибудь стоящим материальным, встану крепко на ноги – тогда и женюсь. Семья обязательно будет большая, и в доме будет много детского смеха. Но судьба распорядилась по-своему, взрослым мужчиной он переболел свинкой, и у него уже не могло быть детей. Карина расчувствовалась и решила рассказать о сыне. Реакция Степана ее обескуражила. Он молча поднялся из-за стола и, не сказав ни слова, ушел.

– В тот же вечер, – продолжала рассказ Ритка, – я его встретила в кафе. Степана я знала по Боровиково, – пояснила она. – В тот вечер он был грустным, но причину своего невеселого настроения не стал объяснять. Зато, когда я его спросила о работе, от него информация посыпалась как из рога изобилия. Вот тогда-то я и узнала об осколке метеорита, и мы договорились, что в следующий свой приезд он привезет эту ценность в Орловское. Мы соберем людей на семинар, и он своим рассказом даст возможность присутствующим прикоснуться к посланнику космоса. Но все произошло не так быстро, как нам хотелось. Мы со Степаном повстречались в апреле, а вот на семинар он смог приехать только осенью. Что произошло за этот промежуток времени, мне позже рассказала Карина, – пояснила Ритка. – Степан познакомился с сыном. Олежка новость о том, что у него есть отец, воспринял почему-то в штыки. И в один из приездов Степана в Орловское угнал у новоиспеченного отца машину и разбил. На Олежку завели уголовное дело, и сейчас он под подпиской о невыезде.

– Да, невеселая история, – задумчиво проговорила Арина, выслушав внимательно рассказ директора музея. – Спасибо, Рита.

У Ритки веселой трелью разлился мобильный телефон. Арина засобиралась уходить, почувствовав, что может помешать работе Ритки. Ритка подняла трубку, в знак прощания помахала Арине рукой и, прикрыв ладонью телефон, прошептала ей:

– Забегай, провожать не буду.

Арина, выйдя из директорского кабинета, неспешно спускалась по лестнице на первый этаж.

«Так, что мы имеем? Олежка встретил отца без энтузиазма. Кроме того, он разбил машину Скалозубко. А может, и кража фрагмента метеорита – его рук дело? А убийство? Неужели парень пошел на убийство? А может, у него получилось все непреднамеренно?... Нет, этого не может быть, Олежка не присутствовал на встрече с геологом. И что?..» – додумать она не успела, так как спустилась на первый этаж и увидела следующую картину.

Работники центральной библиотеки, свободные работники музея, рабочий Гоша Иванов собрались у большого телевизионного экрана, висевшего на стене. Транслировались «Новообские новости». С плазменного экрана молодая круглолицая девушка-корреспондент

бойко рассказывала о смерти геолога Степана Скалозубко и, самое главное, об исчезновении осколка Челябинского метеорита. В конце своего выступления Анна Зайцева, именно так звали девушку, объявила, что она намерена провести собственное журналистское расследование, чтобы выйти на след пропавшего метеорита. Арина молча дослушала корреспондента до конца и незаметно вышла из здания на улицу.

***

– Аришка, ну наконец-то, – радостно встретила тетя Таня долгожданную племянницу. В последний приезд ей очень не понравился вид Арины. Да и сегодня, по правде сказать, она выглядела подавленной и больной. И чтобы не показать племяннице, что она заметила все ее горести, они ярко написаны на лице племянницы, правда, надо еще осторожно уточнить какие, тетюшка нарочно приподнятым голосом разговаривала с Ариной: – А я с самого утра тебя в окно выглядывала, а тебя все нет и нет. Я опять начала волноваться, не случилось ли чего, – тараторила, не умолкая, пожилая женщина, радостно собирая на стол. – А ты чего не с Мишей-то приехала? Занят он, что ли?

– Занят, – невесело бросила Арина, украдкой тяжело вздохнула и отправилась мыть руки. Уж чего она больше всего сейчас не хотела, так это расспросов о Мише. Ей сегодня о нем говорить совсем не хотелось. При одном воспоминании о вчерашней картинке, где девица по-хозяйски сидела у Миши на коленях, ей становилось тошно, и заноза в сердце начинала предательски шевелиться.

– Поссорились, что ли? – не унималась тетя, беспокойно поглядывая на племянницу. Она всегда близко к сердцу принимала проблемы вначале маленькой девочки, а потом повзрослевшей девушки, но никогда не позволяла себе опускаться до назидательных нравоучений и дельных, как всегда кажется взрослым, советов, если об этом не просила сама племянница.

– Я с ним не ссорилась, – неохотно ответила Арина, возвращаясь и усаживаясь за аппетитный стол. Есть сегодня тетины вкусности совсем не хотелось. На душе было неуютно и холодно. Но разве это состояние можно передать словами? Да и зачем тетю расстраивать своими сердечными проблемами, у нее нездоровое сердце и давление.

– Ладно, дело молодое. В жизни всякое случается, разберетесь, – констатировала тетя Таня, пододвигая к Арине чашку душистого чая.

«Зря я, наверное, к тете приехала, – корила себя Арина, выпивая глоточек горячего напитка под пристальным обеспокоенным взглядом тети Тани. – Хотела немного забыться, а вижу, что не получается, да и тетя Таня начинает волноваться. Господи, какая-то я в последнее время непредусмотрительная. Отвяжись, плохая жизнь...»

***

Антон Сергеевич решил нанести визит Анатолию, брату Степана Скалозубко. До следователя дошла информация, что в день убийства геолога Анатолия видели в районном центре.

Поваленный забор вокруг когда-то добротного дома, а сейчас ветхой избушки, представлял жалкое зрелище. По всей ограде возвышался бурьян в человеческий рост, и о том, что здесь кто-то проживает, можно было догадаться только по узкой натопанной тропинке, тянувшейся к крыльцу. За домом на круговинке, тщательно вытопанной ногами хозяина, стоял трехногий стол и две деревянные скамеечки, приставленные к столу, с подгнившими ножками. Неподалеку расположилась небольшая, сложенная из кирпича печка, вся облупленная, с кособокой проржавевшей трубой. На краю печи сиротливо примостился закопченный чугунок, прикрытый грязной эмалированной крышкой. Кособокая, скрюченная клюка подпирала неплотно прикрывающуюся дверцу печки.

Следователь и участковый завернули за угол дома, именно оттуда доносились голоса Анатолия и его друга Алексея Каткова.

– Что, Анатолий, гуляешь? – поинтересовался Антон Сергеевич, внимательно окидывая взглядом друзей, сидевших за грязным столом, на котором вперемешку лежали небрежно ломаные куски хлеба, разрезанная луковица, стояло блюдо с еще не порезанным шматом сала.

– Горе у меня. Единственный брат, э-эх... сами знаете уже... Так вот, с дружкой Алехой поминаем Степу. Хотя и не уважал он старшего брата, я ведь на семь минут раньше его родился, но я христианские заповеди чту. Раз его душа отделилась от бренного тела, надо помянуть, – печально произнес Анатолий и грязной заскорузлой рукой поднял граненую стопку с мутноватой жидкостью.

Следователь с усмешкой выслушал мужчину, не понимая, то ли на самом деле Анатолий переживает за брата, то ли это очередной повод выпить, и посоветовал:

– Анатолий, хватит комедию ломать, а то увезу тебя в район в обезьянник, там по-другому заговоришь.

– А что сразу в обезьянник? – возмутился мужчина, возвращая стопку на стол и громко высмаркиваясь в подол грязной рубахи.

– Да еще и над смертью брата глумишься, христианскими заповедями прикрываешься, бесстыдник, – пристыдил Антон Сергеевич Анатолия.

– А я что, я ничего, – сразу сник разъерепенившийся было мужчина. – Это я для красного словца, братец-то меня совсем забыл. Вот... хоть Леха подтвердит. А любил-то я его по-настоящему. Это в последнее время мы отделились. А так что, брат же все-таки...

Друг Анатолия Алеха беспокойно заерзал на месте, отодвинулся вместе со скамейкой от стола и предложил:

– Толян, я, наверное, пойду, а то у тебя, я вижу, «сурьезный» разговор с представителями власти намечается, что я буду под ногами путаться?

Анатолий мутными злыми глазами смерил говорившего мужчину и приказал:

– Сидеть, – перевел взгляд на Антона Сергеевича и заносчиво добавил: – У меня от друга секретов нет. Задавайте свои вопросы, все, что знаю, выложу.

– До меня дошла информация, что в тот день, когда убили Степана, ты тоже находился в районе. Не поделишься информацией, что ты там делал? – поинтересовался следователь.

– Был, – выдохнул Анатолий. – Только о смерти брата я узнал, уже находясь в автобусе, когда ехал домой. Да я и вообще не знал, что он в районе. Видите, каков брат, приехал и даже весточку о своем прибытии не прислал, – еще раз бросил укор брату Анатолий. – А ездил я в налоговую, время же подходит налоги платить за двор, – Анатолий обвел неухоженную усадьбу рукой. – Какое-никакое, а все же имущество, вот и брал квитанцию на оплату.

– Допустим, – согласился следователь, до конца не доверяя словам Анатолия. – А где еще был, неужели все время просидел в налоговой службе?

– Да почти все время и просидел. Мне там еще предложили зарегистрироваться на сайте «Госуслуги», чтобы не выезжать к ним, а на месте квитанции распечатывать. А на кой ляд мне регистрироваться, если у меня даже компьютера нет? Я и отказался. Ну а перед автобусом забежал в магазин, взял бутылочку горячительного и закуски да домой поехал.

– А брата когда последний раз видел? – поинтересовался Павел Юрьевич, участковый, который до этого молча слушал объяснения Анатолия.

– Да... этак года два назад, – немного подумав, ответил Скалозубко. – Он тогда отчитал меня за то, что живу неправильно. Не понравилось ему, что я выпиваю. Отремонтировал мне холодильник, кстати, он до сих пор работает. У Степы руки золотые были. Это я с бытовой техникой на «вы», а он хоть что починить мог. Короче, сходил Степа в магазин, забил холодильник закуской, а на «беленькую» старшему брату не дал. Разве это по-людски? Вот мы с ним опять и рассорились. Так он и уехал, не дав брату ни копейки, – тяжело вздохнул Анатолий.

– Ну, с тобой все ясно, – ответил следователь, разворачиваясь и собираясь уходить. И уже на ходу бросил: – А с пьянкой заканчивай, к добру она не приведет.

– Мы не пьем, мы поминаем, – парировал Анатолий, обрадовавшись, что мужчины наконец-то удалятся с его двора.

Павел Юрьевич хмыкнул и следом за следователем направился к покосившейся калитке.
***

Арина, вернувшись на вечернем автобусе от тети, не спеша шла домой. Она еще издали увидела машину Миши, стоящую возле ее двора. Сердце девушки бешено заколотилось, в глазах потемнело, но она быстро взяла себя в руки и, внешне не выказав волнения, продолжала неторопливым шагом идти к дому.

Заметив приближающуюся девушку, Миша уверенно вылез из автомобиля и направился ей навстречу. Арина поравнялась с мужчиной, отрешенно посмотрела на него, словно он был пустое место.

– Арина, давай поговорим. Ты обиделась, что ли? – поинтересовался Миша, заметив холодное безразличие в глазах девушки, так больно задевшее его самолюбие.

Но тут у Миши совершенно не вовремя стал беспрестанно трезвонить мобильник.

– Арина, ты ревнуешь, что ли? Не надо, это же Наташка... Я тебе все объясню...

Телефон не замолкал. Миша нервно вытащил гаджет из кармана, громко выругался: «Черт», – и ответил: «Да... Да я не слышал... Хорошо, сейчас буду».

Девушка, не останавливаясь, вошла в калитку и уверенно пошла к крыльцу. За своей спиной она услышала голос Миши:

– Арина... Я потом позвоню... – резко хлопнула автомобильная дверца, и машина тронулась с места и отъехала.

Миша приехал, но это обстоятельство несколько не успокоило Арину. Поговорить им так и не удалось, и на душе стало еще гаже. Она вошла в дом, хотелось плакать, но слез совсем не было, застрявший в горле ком не давал свободно дышать, и она неторопливо разулась, сняла плащ, прошла в комнату и легла на постель, свернувшись клубочком, подтянув колени к самому подбородку, не заметила, как уснула.

***

Арина прошла по шумному школьному коридору второго этажа и спустилась в учительскую.

Учитель географии Владимир Иванович, меряя шагами учительскую, взволнованно рассуждал:

– Не мог такой огромный кусок метеорита находиться в личной коллекции Скалозубко. Это же достояние ученых, его должны были с пристрастием изучать, такой осколок несет в себе массу информации. Мне кажется, что-то тут не чисто, незаконно он завладел таким массивным осколком, поэтому его и убили.

– Ну, ты, как всегда, преувеличиваешь, Владимир Иванович, – ответила ему жена Зоя Карловна, учитель математики с немецкой внешностью, приподняв очки на лоб, оставив учебную тетрадь, испещренную красным стержнем, в покое. – А, по-твоему, убивать из-за камня, пусть даже и космического, – это законно? Убийство могло произойти из-за банальной кражи. Другое дело, что Степан, возможно, не захотел добровольно отдать камешек кому-то, возможно, преступнику, вот и поплатился жизнью.

Географ надменно хмыкнул, изучая лицо жены, словно видел его впервые.

– А вы бы, Зоя Карловна, отдали такую ценность добровольно? Это же, это же... Тут дело даже не в денежных купюрах... – и, заметив входящую в учительскую Арину, тут же переключился на нее: – Арина Владимировна, вы, так сказать, участница тех событий. Что там говорят по поводу пропавшего осколка метеорита, ну и убийства, конечно?

– Знаете, я ведь ничего не видела, просто находилась поблизости, поэтому прохожу по делу как свидетель, – неохотно ответила девушка, наливая себе чашечку кофе.

– Да, жалко Степана. Вот ведь жизнь какая непредсказуемая штука, – тихо произнесла Любовь Ивановна, учительница начальных классов, молча слушавшая разговор. – Нас все материальные ценности интересуют, а вот переживать по поводу гибели человека как-то по-настоящему разучились.

Владимир Иванович отошел к окну и нервно ответил:

– Любите вы утрировать, Любовь Ивановна. У него родной брат имеется, вот пусть он и переживает, ну а мы, конечно же, сочувствующие чужому горю.

Любовь Ивановна вздохнула.

– А что брат? Было время, когда он свою жизнь практически под планы брата поменял. Но со временем ожесточился, отдалился, обиделся на судьбу, и вот результат – человек на краю пагубной страсти.

Арина под села с обратной стороны стола к Любове Ивановне и спросила:

– А какие они были, братья Скалозубко?

– Да ничем примечательным не выделялись среди сверстников. Правда, когда учились в школе, Анатолий-то посообразительнее был. Степа всегда математику у него списывал. Они могли бы вместе поступить в любой новообский техникум или вуз. Но, к несчастью, у них умерла мать, и Анатолий на правах старшего брата, таковым он себя считал, остался в селе. Он дал возможность получить профессию Степану, ту, о которой тот мечтал. На стипендию-то не проживешь. Вот Анатолий и зарабатывал в селе, трудясь механизатором, чтобы брата выучить. «Пусть хоть один из нас в люди выбьется», – любил повторять старший брат. И выбился. Только отдалился от брата, – продолжала рассказывать Любовь Ивановна. – Разве Анатолию не обидно?

В учительской повисло молчание. И что тут можно было прокомментировать?

***

За окном совсем стемнело. Слышно было, что к вечеру разыгрался ветер, срывая с деревьев последние желтые листья, их шуршащая «лебединая песня» напоминала о приближающейся зиме. На душе у Арины было беспокойно, заниматься абсолютно ничем не хотелось. Девушка попробовала читать, но смысл прочитанной страницы запутался в сторонних мыслях. Возле дома плавно остановилась машина. Арина вскочила с кресла и осторожно выглянула в окно, но сгустившиеся сумерки, тяжелые и тягучие, не дали разглядеть припозднившегося гостя. Потрявоженные вначале гулом автомобиля, а потом и резким звуком захлопнувшейся дверцы собаки, словно устроив переключку, стали взахлеб брехать, предупреждая хозяев о возможном госте. Ветер потоками проникал через старые оконные рамы, и Арина, поежившись, отошла от окна, накинула на плечи палантин и пошла на кухню.

«Наверное, Миша приехал. А я так устала, что нет сил выяснять отношения или вникать в его объяснения. Да и видеть мне его сегодня что-то не хочется», – подумала невесело она, прислушиваясь к шагам в сенях.

Но шаги были незнакомые, неуверенные, да к тому же постукивание каблучков очень напоминало женскую поступь. В дверь тихонько поскреблись.

– Можно? – на пороге появилась молодая девушка невысокого роста, круглолицая, пышные волосы собраны в небрежный хвостик. Девушка была одета по-походному: в джинсах и объемном пуловере, на шее вальяжно повязан шифоновый шарфик.

Арина сразу узнала девушку с телевизионного экрана центральной библиотеки, где та рассказывала в «Новообских новостях» о смерти геолога и пропаже осколка метеорита, и, опешив, застыла в нерешительности, не ответив девушке.

– Добрый вечер, Арина. Не удивляйтесь, пожалуйста, мне ваш адрес дала Маргарита Павловна, – уверенно произнесла девушка, внимательно настойчивым профессиональным взглядом изучая Арину.

– Могла бы хоть позвонить, предупредить, – буркнула Арина с обидой в голосе на подругу, поправляя растрепавшиеся волосы.

– Вы не обижайтесь на Маргариту Павловну, это я ее попросила вам о моем визите не говорить, – уверенно пояснила телевизионный корреспондент. – Я Анна Зайцева, веду независимое расследование в связи с пропажей осколка метеорита. Вот моя визитка, возьмите, пожалуйста.

Арина кивком головы и взглядом указала на стул, предлагая девушке сесть. Приняла визитку, изучила ее и зачем-то положила в карман теплого уютного халата, спросила:

– А вы специально ко мне приехали? Не обязательно было тащиться в такую даль, у Риты есть номер моего сотового телефона, впрочем, и рабочего стационарного тоже есть.

– Понимаете, я к вам по пути, еще хотела побеседовать с братом Степана Анатолием, но тот в таком невменяемом состоянии, что я из него слова не могла вытащить, – пояснила Анна, вытаскивая мобильник из сумочки, висевшей у нее на боку на длинном ремешке, перекинутом через плечо. Внимательно посмотрела на экран и положила телефон на стол.

– А я-то чем могу вам помочь? Я сам момент преступления не видела, – все же не могла скрыть искреннее удивление Арина. – Я знаю только то, что знают все.

– Это вам так кажется, каждый человек является носителем такой информации, о которой даже сам не подозревает и не догадывается, – присаживаясь на стул, пояснила Анна. – Давайте договоримся так: я вам задам несколько вопросов, а вы на них искренне ответите.

У Арины пронеслась раздраженная мысль: «Черт, сегодня мне для полного счастья не хватало еще журналистки со знаниями психологии. Отвяжись, плохая жизнь, привяжись, хорошая». А вслух постаралась спокойно и вежливо произнести:

– Конечно, отвечу. Или вы считаете, что мне есть что скрывать? – Арина внимательно посмотрела в глаза журналистки и, абсолютно ничего там не прочитав, предложила: – Может, чай или кофе?

– Нет, спасибо... И если можно, то от стакана негазированной воды не откажусь.

– Конечно, – ответила Арина и тут же принесла стакан с водой.

Девушка поблагодарила за воду и, сделав небольшой глоток из стакана, пояснила:

– Дело не в том, что вы специально скрываете информацию, а в том, что некоторые нюансы не рассказываете, считая это второстепенной информацией, – пояснила она, сделав еще один глоток воды.

«Да она, случайно, диссертацию по психологии не пишет, например, на тему «Чужая душа – потемки»?» – невесело подумала Арина и сдержала усмешку, готовую сорваться с ее губ.

А Анна спокойно поинтересовалась:

– Когда Скалозубко показывал свою ценность, вы, случайно, осколок метеорита не сфотографировали?

– Нет, я только приготовила мобильный телефон, чтобы сделать фото, как услышала его возглас. Степан Аркадьевич попросил не фотографировать фрагмент метеорита. Но я думаю, что там были люди попроворнее меня и им удалось запечатлеть этот исторический для науки экземпляр.

– А вот вы, когда дожидались выхода Скалозубко из кабинета директора музея, людей, фотографировавших экспонаты музея, не заметили?

Арина напрягла память, перед глазами всплыла картинка того дня, где посетители беспрестанно щелкали мобильниками, стараясь запечатлеть все, что видели. Она ответила:

– Знаете, а ведь вы правы, многие фотографировали в выставочном зале, переходя от экспоната к экспонату. Я думаю, что на этих фотографиях в поле зрения могли попасть люди. Ну а мне как-то не до того было. Я с Маргаритой Павловной беседовала. Она все беспокойно поглядывала в коридор, чтобы не пропустить выход геолога, и все равно пропустила.

– А она, случайно, ничего не фотографировала?

– А ей зачем? – приподняла удивленно бровь Арина. – По-моему, у нее фотографий экспонатов своего музея предостаточно. А вот фотографировала ли она осколок метеорита, этого я не знаю.

– Значит, у вас фотографий из музея, сделанных в день пропажи фрагмента метеорита, нет, – еще раз настойчиво констатировала Анна.

У Зайцевой неожиданно затрезвонил телефон, и от стола, где лежал неподвижно мобильник, полилась «Лунная соната» Бетховена.

Журналистка посмотрела на высветившийся на экране мобильного номер и ответила:

– Да. Я вас слушаю. Это очень хорошо. Сейчас выхожу, – она поднялась со стула, кивнула головой: – Спасибо вам, Арина, но мне пора, – всеми пальцами левой руки забавно помахала «до свидания» и направилась к двери. Арина последовала за ней, но девушка, оглянувшись, сказала:

– Спасибо, провожать не надо, – и вышла из дома, продолжая говорить по телефону.

Арина в нерешительности постояла посреди кухни и, подойдя к кухонному столу, включила чайник. Ветер за окном не стихал, и чайник натужно засвистел, подпевая в такт ветру. Девушка в ожидании чая присела на стул, облокотившись рукой на стол и подперев подбородок.

Мысли беспорядочно закрутились, завертелись вокруг Зайцевой: «Так что же Анна хотела выяснить? Ее почему-то очень интересовали фотографии. Что же она на них хотела увидеть?»

Свет моргнул, на несколько секунд погас и опять включился. Чайник стал утихать, трель его стала еле слышной, но стоило включиться свету – он опять, набирая обороты, стал звонко свистеть.

Вдруг Арина встрепенулась, почувствовала подступавшее необъяснимое беспокойство, и у нее пронеслась мысль: «Что-то я не слышала, чтобы отъезжала машина».

Она подошла к окну и постаралась всмотреться в темноту, но все было тщетно. Только отчетливо слышалось, как за стеклом ветер безнаказанно играет, теребя все, что попадется под его порыв. Темнота становилась плотнее и гуще. Чайник, звонко щелкнув, отключился. Арина вздрогнула.

– Что это я? Ох и трусиха. Зачем себя накручиваю? – прошептала она, отходя от окна. Машинально взяла зачем-то со стола свой мобильник и направилась к двери.

Девушка вышла на улицу, ветер словно обрадовался, что нашел новую игрушку, бросился ей в лицо, стал ворошить, путать волосы, закрывая глаза и цепляясь за ресницы. Но Арине сейчас было не до ветра, она осторожно, крадучись подошла к калитке, тусклый свет фонарей освещал улицу. Машина Ани Зайцевой стояла за воротами на месте.

– Господи, куда еще она понеслась? – прошептала девушка, стараясь по сильнее затянуть поясok своего теплого халата, чтобы ветер не так сильно пронизывал холодом ее тело. Рука непроизвольно нырнула в карман халата и нащупала визитку, оставленную журналисткой. Арина, подсвечивая себе фонариком мобильного телефона, пробежала визитку глазами и, найдя в нижнем уголке визитки номер телефона Ани, быстро набрала его и позвонила. С обратной стороны дома Арины приглушенно донеслась «Лунная соната».

– Отвяжись, плохая жизнь, привяжись, хорошая. Как такое может быть? Зачем она туда полетела? – прошептала Арина и, уже не обращая внимания на внутренний озноб от ветреной погоды, который охватил ее тело, направилась туда, откуда, не переставая, лилась мелодия.

– Да что же она не отвечает? И что ей понадобилось делать за моим домом? – не находя ответа на свои вопросы, освещая дорогу телефоном, Арина осторожно двигалась на доносящуюся мелодию «Лунной сонаты», которая с ее приближением становилась все громче и громче. Неожиданно Арина больно запнулась, и у нее непроизвольно вырвалось:

– Черт. Что тут такое может быть?

Она присела на корточки и посветила на землю фонариком, поискав глазами препятствие, попавшее ей под ноги. То, что она увидела, повергло ее в шок. На земле валялась туфля журналистки, именно о нее она запнулась, немного поодаль виднелась голая ступня и нога с немного задранной вверх штаниной джинсов. Арина непроизвольно вскрикнула, распрямилась и что есть мочи понеслась прочь. Забежав в сени, она закрыла дрожащими руками дверь на крючок и буквально влетела в дом. Проскочив в спальню, забралась в кресло с ногами. Но тут же соскочила и, задернув плотно шторы на окне, вернулась назад.

– Что же это? Что же это такое? – бормотала бессвязно она, стараясь упорядочить мысли. Но это у нее плохо получилось, и она громко и уверенно себе проговорила:

– Отвяжись, плохая жизнь, привяжись, хорошая.

Чувство страха и самосохранения пересилило чувство гордости. Арина дрожащими руками в мобильнике быстро постаралась найти номер телефона Миши и позвонила. На ее счастье, он сразу же ответил, словно ждал звонка.

– Миша, ты где? – спросила беспокойно девушка, стараясь унять дрожь в голосе.

– Я подхожу к твоему дому. Пустишь? Надо поговорить. Так нельзя...

Арина вдруг разревелась и, громко всхлипывая, попросила:

– Приходи скорее, я тебя жду.

Миша влетел на крыльцо. Арина стояла в сенях, дожидаясь его, и только услышала шаги, сразу же распахнула дверь.

– Ты что реवेशь? Что случилось? – беспокойно поинтересовался Миша, отключая свет большого фонарика, который он держал в руках.

Арина, не отвечая, быстро закрыла дверь на крючок и, потянув Мишу за рукав, направилась в дом. Здесь она почувствовала себя в безопасности и, прильнув к плечу Миши, дала волю слезам.

– Арина, ты меня пугаешь. И что это за машина возле твоих ворот стоит?

Немного успокоившись, девушка отошла от Миши и произнесла:

– Там журналистка. По-моему, ее убили.

– Какая журналистка? Где там? Кто убил?

– Там, за домом, – всхлипывая, произнесла Арина. – Откуда же я знаю, кто ее убил?

– Господи, Арина, что за бредни?.. Ну, пойдем, покажешь.

– Нет, я не пойду. Я боюсь. И тебя не пушу, – отходя подальше от двери, произнесла Арина, не выпуская руку Миши из своих ладоней.

– А вдруг она еще жива и ей помощь нужна? – забеспокоился Миша, направляясь к выходу. – А ты, если боишься, посиди дома. Я схожу к Вере Николаевне, пусть она посмотрит на эту журналистку, и я вернусь.

– Нет, я одна не останусь. Я с тобой, – сказала с хрипотцой в голосе Арина, сдергивая с вешалки дрожащими руками плащ.

На улице порывы ветра стали стихать, заморосил мелкий дождь.

***

Фельдшер Вера Николаевна жила в том же доме, что и Арина, только во второй половине. Она не стала долго расспрашивать, что произошло. Долгие годы находясь в профессии, она прекрасно знала, что дорога каждая минута, если кому-то требуется экстренная помощь. Фельдшер быстро взяла свой походный медицинский чемоданчик и отправилась следом за молодыми людьми. Яркий свет от фонаря, который Миша держал в руках, выхватил из темноты журналистку, лежавшую на земле в неестественной позе. Телефон Зайцевой валялся в стороне, чуть дальше валялась сумочка, ремешок от нее покоился на шее Анны. Вера Николаевна наклонилась и потрогала журналистку в области шеи, распрямившись, она коротко бросила:

– Мертва.

Арина непроизвольно закрыла ладошкой рот. Верить в происходящее никак не хотелось. В ее дворе убили журналистку, такую жестокость со стороны неизвестного преступника она даже в самых страшных мыслях предположить не могла. Как из-под земли, словно через вату в ушах, она услышала голос Веры Николаевны:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.